

И. Н. Семенов

Взаимодействие психологии и философии в разработке деятельностного подхода в российском человекознании

В статье с историко-научных и теоретико-методологических позиций анализируется становление и развитие деятельностного подхода в российской психологии во взаимодействии с философией и педагогикой. При этом на фоне анализа истории отечественного человекознания характеризуются концепции ряда философов, разрабатывавших системно-деятельностный подход, и психологов, строивших различные общепсихологические представления о деятельности и развивавших их в психолого-педагогических исследованиях. Предложена структурно-уровневая модель развития научно-творческой деятельности (проиллюстрированная анализом трудов С. Л. Рубинштейна). Кратко охарактеризовано взаимодействие научных школ П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна в разработке психологии деятельности. Показана конструктивная роль дискуссий философов и психологов в процессе разработки деятельностного и системного подходов (на примере концепций С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова), а также их конструктивное значение для развития психологии и педагогики мышления и рефлексии.

Ключевые слова: психология, философия, методология, деятельность, системный подход, организация, мышление, сознание, рефлексия, развитие.

1. На пути становления деятельностного подхода

Одним из ведущих достижений развития российского обществознания и человекознания в XX в. является *деятельностный подход*. Он не только служит важным философско-методологическим принципом современных социально-гуманитарных наук, в том числе социологии, психологии и педагогики. Деятельностный подход является теоретическим основанием построения концептуальных моделей различных психических явлений: восприятия, памяти, мышления, воображения, сознания, рефлексии, личности, общения, развития, способностей, профессионализма, творчества, социальных коммуникаций.

Конструктивность ряда из этих моделей во многом определяется теми концептуальными средствами, которые разрабатывались в психологии с использованием результатов дискуссий методологического характера среди философов и психологов по теоретическим проблемам развития деятельностного подхода в современном человекознании.

Хотя в общей психологии этот подход ассоциируется прежде всего с фундаментальными трудами С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, однако предпосылки для его разработки имелись как внутри отечественной психологической науки, в частности в психофизиологии (М. Г. Ярошевский) и в педологии (В. Я. Басов), так и в отечественной методологии, причем не только в послевоенной, но и даже в дореволюционной (А. А. Богданов). Рассмотрим кратко ряд ключевых прецедентов обращения российской науки к проблематике деятельности в качестве историко-научных предпосылок ее собственно психологической разработки во второй половине XX в.

2. «Тектология» А. А. Богданова и педология В. М. Басова — философско-психологические предтечи системного и деятельностного подходов

Со времен философии Платона и Аристотеля в Античности и Р. Декарта и Дж. Локка в Новое время развитие психологической науки было опосредовано достижениями философов мысли, откуда психология черпала онтологические представления о психическом, гносеологические принципы его познания и методологические средства научного изучения. В Новейшее время конструктивную роль в прогрессе обществознания и человекознания

сыграл системный подход, идея которого восходит к философскому трактату Ж. Кондильяка «О системах», а методологическая концептуализация впервые систематически разработана лишь в XX в. русским философом А. А. Богдановым в труде «Тектология» (1913—1917) и в дальнейшем номинативно представлена в статьях Л. фон Берталанфи, Л. С. Выготского и развита в трудах ряда философов (В. Н. Садовский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин), физиологов (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн), психологов (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Ж. Пиаже, Я. А. Пономарев, Дж. Флейвелл, К. Халл и др.). В начале XX в. философским предтечей системно-деятельностного подхода был известный марксист А. А. Богданов.

Эвристическое воздействие основополагающих идей А. А. Богданова — философа, экономиста, социолога, врача, ученого-энциклопедиста — прослеживается в трудах корифеев различных наук (М. Я. Басов, В. М. Бехтерев, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, А. К. Гастев, Т. Котарбинский, В. А. Лефевр, И. Р. Пригожин, П. А. Сорокин, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др.) и отечественной литературы (А. Белый, М. Горький, А. В. Луначарский, А. П. Платонов, А. Н. Толстой и др.). Идущей от Античности абстрактно-созерцательной тенденции в философии познания марксист А. А. Богданов противопоставляет тектологию (от др.-греч. строитель) как *всеобщую естественную науку о способах решения непосредственных жизненно-практических задач техники, хозяйства, быта* (см.: [5. Кн. 1. С. 141]). Энциклопедические идеи Богданова по созданию «Тектологии» (1913) как «всеобщей организационной науки» предвосхитили многие направления философской, психологической, социологической, технической мысли XX в., в том числе методологию таких подходов, как системный, кибернетический, деятельностный, праксиологический, ресурсный, компетентностный, психофизиологический, когнитивный, метакогнитивный, субъектный, системно-деятельностный и др. По А. А. Богданову [6] научное познание представляет собой «творчество норм целесообразности для практической деятельности», а законы природы он трактовал как методы ориентировки человека в поле опыта, которые изменяются согласно соответствующим практическими потребностям; организация же человеческого общества выделась им через организацию человеческого знания.

Важно подчеркнуть, что построению «Тектологии» (1913—1917) предшествовала разработка А. А. Богдановым «интегральной концепции человека» (1905), а сам дискурс идеи «всеобщей организационной науки» возник в эпилоге фантастического романа «Инженер Мэнни» (1912), проникнутого ценностью миссии человека будущего как «человека науки, труда, идеала», который органично совмещает *«организаторскую и исполнительскую точки зрения в одной непосредственно-цельной деятельности»* [6. С. 40]. По Богданову цель науки — создание плана завоевания природы и даже искусство есть орудие социальной организации людей [Там же. С. 421], ибо смысл цивилизации — развитие социальности человечества (см.: [5. Кн. 1. С. 241]), что обеспечивается также и *«культурным вызревaniem... организационного мышления», которое разрушит «фетиши авторитарно-индивидуалистического сознания» и станет основой единения общечеловеческого коллектива в условиях атомной эпохи* (см.: [6. С. 297—298]). В этом конструктивно-междисциплинарном контексте А. А. Богданов строит тектологический прообраз системно-организационной методологии, повлиявшей на формирование субъектно-деятельностного подхода в философии и психологии рефлексии. При этом он драматургически показывает феноменологию рефлексивного мышления в работе 1904 г. «Проклятые вопросы философии» [Там же. С. 77—89] с позиций зарождающейся тектологии.

Для ее концептуализации ключевую роль сыграла работа А. А. Богданова 1904 г. «Собирание человека» [6. С. 28—46], служащая системно-методологическим прототипом проблематики сборки субъекта, которая так актуальна ныне в контексте постнеклассической рациональности научного познания. Необходимость в такой сборке возникает, т. к. *«всякий строит мир по образу и подобию своего опыта»* [Там же. С. 35], а ограниченный у специалиста, этот опыт не в силах превратить сознание *«из жизненной дробы в целое»* [Там же. С. 38]. Ибо: *«Дробление человека порождает не только неполноту жизни, раздвоенность опыта, разорванность мира; оно порождает реальные живые противоречия и через них — развитие... Задача философии — гармонически единое мышление мира — совпадает с задачей собирания человека, потому что мир есть вся сумма доступного людям опыта»* [Там же. С. 39]. Богданов подчеркивает, *«какое громадное значение для развития имеет все то, что вносит какой-нибудь порядок в этот хаос, что сколько-нибудь организует эту неорганизованность»* [Там же. С. 51].

Исходя из того что *«организующая деятельность всегда направлена к образованию каких-нибудь систем из каких-нибудь частей, или элементов»* [Там же. С. 398], А. А. Богданов предлагал научную организацию труда, ибо верил в практическую мощь методологических средств: *«Если человек владеет выработанными методами познания и практики, то стоит ему “подойти” с этими методами к любому вопросу, к любой жизненной задаче, и он разрешит этот вопрос, эту задачу, хотя они вне его “специальности”»* [Там же. С. 44]. Таким образом, предложенные А. А. Богдановым идеи и методы явились провозвестниками методологии системного и деятельностного подходов в социогуманитарном знании (в том числе психологическом и эргономическом).

Так, влияние идей А. А. Богданова прослеживается в трудах ближайшего ученика А. Ф. Лазурского — крупного послереволюционного психолога, педолога и педагога М. Я. Басова. Важно подчеркнуть, что М. Я. Басов еще в начале 1930-х гг. дал одну из первых формулировок принципа деятельности: *«Реальным объектом психологического познания все более становится человеческая деятельность во всей полноте ее своеобразных форм и сам человек как деятель в окружающей его среде»* [4. С. 65]. Таким образом, М. Я. Басов предвосхитил системность организации психической деятельности. При этом М. Я. Басов различил несколько ее основных форм, для психологического изучения которых он предложил структурно-аналитический метод для выявления различных структурных элементов деятельности и формы их взаимосвязи в процессе активного, деятельностного приспособления человека к среде.

В историко-научном плане интересен тот факт, что именно М. Я. Басов как заведующий кафедрой психологии Педагогического института им. А. И. Герцена пригласил из Одессы в Ленинград С. Л. Рубинштейна. Он и стал после М. Я. Басова в 1932 г. новым заведующим этой кафедры, где в развитие его упомянутых идей о «деятельности и деятеле» и своих собственных о «творческой самодеятельности» (1922) [19] дал старт разработке в российской психологии деятельностного подхода в знаменитой статье о значении марксизма для психологической науки [16] и в учебнике «Основы психологии» (1935) [20] и др.

3. Развитие деятельностного подхода в научных школах С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева

Важной составной частью развития деятельностного подхода явилась многолетняя дискуссия между двумя ведущими научными школами в изучении деятельности во главе с С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым и их последователями.

Обосновавший в общей психологии (1940) принцип деятельности, С. Л. Рубинштейн, став директором Психологического института, организовал в 1942 г. кафедру психологии в МГУ. Сюда он во время войны пригласил А. Н. Леонтьева с его единомышленниками (П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, А. Р. Лурия), которые разрабатывали деятельностный подход на основе культурно-исторической теории Л. С. Выготского.

Разработка принципа орудийно-предметной и социально-знаковой деятельности в советской психологии привела к дифференциации двух ее основных теорий: *субъектно-процессуальной* в трактовке С. Л. Рубинштейна (1934—1946) и *личностно-операциональной* — в концепции А. Н. Леонтьева (1946—1975). Причем теоретико-экспериментальная проработка обеих концепций и их прикладная реализация начались именно на кафедре психологии МГУ ее сотрудниками под руководством С. Л. Рубинштейна (1945) с М. Г. Ярошевским и, далее, с начала 1950-х гг. — А. Н. Леонтьева с соратниками: А. В. Запорожцем, П. Я. Гальпериным [7], Д. Б. Элькониным.

Весной 1966 г. А. Н. Леонтьев в преддверии 18-го международного конгресса, который должен был состояться летом в Москве, преобразовал психологическое отделение философского факультета МГУ в самостоятельный факультет психологии (на базе расширения кафедры общей психологии (см.: [26]). Здесь интенсивно развернулись теоретико-экспериментальные исследования психических явлений на основе общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева, восходящей к культурно-исторической теории Л. С. Выготского — А. Р. Лурии. Фундаментальными достижениями школы А. Н. Леонтьева являются деятельностные концепции его учеников и соратников: зрительного восприятия, оперативной памяти, смысловой организации мышления, установки сознания личности, аномальной личности, образа мира, психосемантики сознания, смыслового развития личности и др. Относительно развития деятельностного подхода в школе С. Л. Рубинштейна необходимо заметить, что ввиду репрессий, которым он безвинно подвергся на рубеже 1940—1950-х гг., его исследовательские возможности были ограничены по причине ухода с заведования созданной им кафедрой общей психологии МГУ. Перед этим С. Л. Рубинштейну удалось в качестве члена-корреспондента АН СССР организовать лабораторию (впоследствии ставшую сектором) по изучению философских проблем психологии в Институте философии АН СССР. В этот период 1950-х гг. он со своими сотрудниками (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Д. Б. Боявленская, А. В. Брушлинский, А. М. Матюшкин, В. Н. Пушкин и др.) развивал *субъектно-деятельностный* подход на материале экспериментального изучения мышления [17], а также анализа истории психологии (Л. И. Анцыферова, Е. А. Будилова, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский) и теории человекознания.

В дальнейшем, в 1972 г., сектор вошел в состав организованного Б. Ф. Ломовым Института психологии АН СССР, где ученики С. Л. Рубинштейна развивали в 1970—2000-е гг. *субъектно-деятельностный* подход в различных аспектах: историко-научном, философско-методологическом, социально-психологическом, социально-когнитивном, мотивационно-личностном. Фундаментальным развитием школы С. Л. Рубинштейна явились *субъектно-деятельностные* концепции: системности развития личности Л. И. Анцыферовой, жизненного пути личности К. А. Абульхановой, мотивации В. Г. Асеева, процессуальности мышления А. В. Брушлинского, оперативного мышления В. Н. Пушкина, проблемного мышления и обучения А. М. Матюшкина. Обратимся к рефлексивно-персонологическому анализу жизнетворчества их учителя — С. Л. Рубинштейна и его общепсихологической концепции деятельности.

4. Философские корни психологической концепции С. Л. Рубинштейна и обоснование им деятельностного подхода

Почти во всех биографиях С. Л. Рубинштейна справедливо (но всегда вскользь) отмечается, что он учился философии в основанной Г. Когеном Марбургской школе неокантианства, где в 1914 г. защитил магистерскую диссертацию. Вернувшись в Одессу, он преподавал в гимназии философию, логику и психологию, а в Новороссийском университете вел курсы математики и теоретической физики.

Из-за разногласий с преподавателями в трактовке прогрессивной теории относительности А. Эйнштейна С. Л. Рубинштейн сменил педагогическую деятельность философа и психолога на научно-организационную работу в университетской библиотеке, директором которой он был в 1924—1929 гг. Там С. Л. Рубинштейн (вплоть до переезда в Ленинград в 1930 г.) анализировал и систематизировал достижения мировой психологической мысли. Их обобщение уже в Пединституте им. А. И. Герцена с марксистских позиций (см. его знаменитую статью 1934 г. [16]) им было представлено в 1935 г. в «Основах психологии», переработанных в 1940 г. и дополненных в 1946 г. в «Основы общей психологии» 2-го издания). Именно за этот фундаментальный труд ему в 1942 г. была присуждена высшая научная награда СССР того времени — государственная Сталинская премия.

В своем знаменитом труде «Основы общей психологии», выполненном в Ленинградском университете, С. Л. Рубинштейн углублял деятельностную трактовку психических процессов (особенно посредством конкретизации принципа единства сознания и деятельности). (О развитии в разных последующих изданиях этого труда концепции Рубинштейна см.: [3]). Но как истый психолог С. Л. Рубинштейн завершал в этих трудах свою концепцию, правда все с тех же деятельностных позиций, главами о жизненном пути личности и о ее самосознании (что затем составило содержание его посмертно изданного в 1973 г. труда «Человек и мир» [18]). В истории отечественной психологии многократно и справедливо (т. е. обосновано фактами дискуссий 1930—1950-х гг.) подчеркивалось методологическое значение принципа единства сознания и деятельности для формирования теоретических основ советской психологической науки. Именно благодаря фундаментальным трудам С. Л. Рубинштейна советская психология ассимилировала Марксову социально-философскую категорию труда и трансформировала ее в *собственно психологическое понятие* предметной деятельности (оригинально развитое затем А. Н. Леонтьевым, отталкивавшимся не только от марксизма, но и от французской социологической школы и культурно-исторической теории Л. С. Выготского), ставшее центральной системообразующей категорией для советского периода психологии.

Однако вряд ли такой образованный ученый и глубокий философ, каким был С. Л. Рубинштейн, мог забыть или проигнорировать в своих исследованиях те методологические штудии, которые формировали его как мыслителя в Марбургской школе неокантианства под непосредственным руководством ее создателя и лидера Г. Когена — одного из крупнейших философов начала XX в. [21].

В связи с этим возникает важная историко-научная проблема: каковы неокантианские (а не только марксистские) корни философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна? Ведь существеннейшая для психологии проблема бытия и сознания — одна из важнейших и для неокантианства проблем. И ставя ее в конце 1930-х гг. и решая ее в середине 1950-х гг., С. Л. Рубинштейн не только вышел за рамки ортодоксального «псевдомарксизма» (торжествовавшего в психологии вплоть до известного совещания по философским вопросам естествознания 1962 г.), но и шагнул в трудах «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973) далеко вперед навстречу советскому «неомарксизму» 1960—1970-х гг. (Г. С. Батищев, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, Ю. А. Левада, В. А. Лекторский, М. К. Мамардашвили, И. Т. Фролов,

Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др.). Этот «неомарксизм» не только исходил из раннего учения К. Маркса (см. его «Экономико-философские рукописи», 1956), но и строился с учетом достижений мировой философской мысли (в том числе неокантианства В. Виндельбанда, В. Дильтея, Э. Кассирера, Г. Когена, М. Наторпа, Г. Риккерта и др.) и отечественной науки (В. Ф. Асмус, М. М. Бахтин, В. И. Вернадский, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, Л. Н. Гумилев, А. Н. Леонтьев, А. Ф. Лосев, И. П. Павлов, М. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн, Г. Г. Шпет и др.), новой философской онтологии и методологии как мыслительной, так и социальной деятельности (Н. Г. Алексеев, В. С. Швырев, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин), детерминированной не только орудиями труда (М. Б. Туровский), но и идеально-понятийными средствами (Э. В. Ильенков). В этом контексте становления «понятийно-деятельностного неомарксизма» (А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров, В. А. Лекторский, Ф. Т. Михайлов, А. П. Огурцов, В. С. Степин, Б. Г. Юдин и др.) становится понятным, почему Э. В. Ильенков в своей эпохально-фундаментальной статье «Идеальное» (см.: [11. С. 219—227]) в списке источников указывает труды лишь двух российских мыслителей — теоретика марксизма Г. В. Плеханова «От идеализма к материализму» и ... «Бытие и сознание» (1957) современного (Э. В. Ильенкову) философствующего психолога С. Л. Рубинштейна, который начал формироваться как методолог еще до Первой мировой войны у Г. Когена в его Марбургской школе неокантианства.

Полученные в школе неокантианства историко-философская культура и логико-методологический опыт стали существенным профессиональным преимуществом С. Л. Рубинштейна при разработке им в уже советской России сначала проблем «творческой самодеятельности» (1922) в контексте педагогики и психологии, а затем — сознания и деятельности субъекта жизненного пути в контексте общей психологии человека, философии бытия личности и индивидуальности в мире (1957, 1973). Наиболее драматично развивалось изучение С. Л. Рубинштейном деятельностной проблематики, теоретическая постановка и дискуссионный (со школой А. Н. Леонтьева) поиск научного решения которой имели принципиальное значение для развития отечественной психологии советского периода.

5. Дискуссии о деятельности в школах С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева и модернизация ее трактовок их последователями

В контексте дискуссии о вкладе обоих корифеев советской психологии в разработку психологической теории деятельности (хотя имеются и ее философско-методологические концепции) примечательны полные горечи слова К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского из их программного «Послесловия» к третьему изданию «Основ общей психологии»: *«Первопроходческая роль С. Л. Рубинштейна в систематической и глубокой разработке (начиная с 1922 г.) деятельностного принципа в психологической науке должна быть специально подчеркнута, поскольку на протяжении последних 20—25 лет его вклад в психологию или умалняется, или замалчивается; даже в энциклопедических справочниках об этом не говорится ни слова (См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22; Философский энциклопедический словарь. М., 1983)»* [20. Т. 2. С. 269].

Все же без ссылок на С. Л. Рубинштейна не обходится множество фундаментальных исследований деятельности. Однако, действительно, в последнее время в нашей стране нередко выходят книги по психологии деятельности (см., напр., [14 и др.]) и даже по истории психологии (см.: [29]), где не находится места ни для упоминания С. Л. Рубинштейна как одного из крупнейших психологов, ни для оценки его фундаментального вклада в изучение деятельности.

Впрочем, в Советском энциклопедическом словаре [28] в кратких статьях — как о А. Н. Леонтьеве (С. 711), так и о С. Л. Рубинштейне (С. 1156) — также ни слова не говорится об их вкладе в психологию деятельности, хотя относительно обоих отмечается значимость их трудов для психологической теории. В связи с этим заметим, что А. Н. Леонтьев как лидер советской психологии на рубеже 1960—1970-х гг. был главным консультантом 3-го издания БСЭ по психологии и педагогике. Например, когда написанная по заказу редактора БСЭ по философии, психологии и педагогике Э. Г. Юдина моя статья о Л. С. Выготском [23] победила в конкурсе, объявленном БСЭ, то перед ее публикацией А. Н. Леонтьев рекомендовал мне специально отметить роль Льва Семёновича в перестройке советской психологии на основе методологии марксизма.

Необходимо сказать, что в 1967 г. А. Н. Леонтьев санкционировал публикацию статьи К. А. Славской о С. Л. Рубинштейне в Философской энциклопедии, где ею справедливо подчеркивалось, что он «применил к психологии Марксово понятие деятельности (1934); в труде “Основы общей психологии” (1940, 1946) представил систему психологии, основанную на принципе единства сознания и деятельности» [30. Т. 4. С. 529].

Хотя каждая школа расставляла свои акценты в дискуссии по деятельности, но важно при этом, как отмечали К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, что *«особенно плодотворными были творческие связи и контакты С. Л. Рубинштейна с его союзниками и отчасти единомышленниками по дальнейшей разработке деятельностного подхода — с А. Н. Леонтьевым, Б. М. Тепловым, А. А. Смирновым, Б. Г. Ананьевым и др. Несмотря на существенные различия между ними в трактовке деятельности, эти психологи во многом сообща развивали и пропагандировали деятельностный подход, в оппозиции к которому тогда находились многие другие, в том числе ведущие советские психологи (например, К. Н. Корнилов, Н. Ф. Добрынин, П. А. Шеварев и другие бывшие ученики Г. И. Челпанова — основателя первого в России института психологии) ...В 1943—1944 гг. Рубинштейн пригласил на работу (в МГУ. — И. С.) не только своих ленинградских учеников — М. Г. Ярошевского, А. Г. Комм и др., но и сотрудников А. Н. Леонтьева — П. Я. Гальперина и А. В. Запорожца»* [20. Т. 2. С. 273].

В связи с этим следует заметить, что П. Я. Гальперин как в своих знаменитых публичных лекциях по истории и теории психологии на философском и психологическом факультетах МГУ, так и в доверительных личных беседах со мной (своим курсовиком и дипломником, см.: [26]) всегда уважительно отмечал фундаментальную роль С. Л. Рубинштейна в развитии отечественной и мировой психологии, хотя сам и придерживался в целом теоретических взглядов в традиции Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева, но при этом развивал собственную оригинальную концепцию ориентировки как предмета психологии. П. Я. Гальперин [7] разработал одну из самых конструктивных концепций педагогической психологии — теорию и психотехнологию планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий, ибо эта концепция показала свою эффективность в экспериментальном обучении в процессе дошкольного, школьного, вузовского и профессионального образования, а также при формировании творческого мышления. Эта теория была создана П. Я. Гальпериным и отталкивалась от подхода Л. С. Выготского в процессе дискуссий как внутренних — в школе А. Н. Леонтьева, так и внешних — со школой С. Л. Рубинштейна, который считал, что психические процессы формируются в деятельности (отсюда перспективен современный ресурсный подход, в том числе к человеческому капиталу (И. Н. Семенов)).

В связи с этим необходимо подчеркнуть плодотворность научных дискуссий для развития теоретико-методологической проблематики, в том числе деятельности. Зародившись во многом благодаря программной статье С. Л. Рубинштейна в сфере междисциплинарного взаимодействия психологии с марксистской философией и политэкономией [16], деятельностный подход развивался в дискуссиях не только внутри школы С. Л. Рубинштейна

с его учениками (А. К. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, А. М. Матюшкин, Е. А. Шорохова, М. Г. Ярошевский и др.), но и шире — внутри психологической науки (Б. Г. Ананьев, Н. Ф. Добрынин, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, В. Н. Колбановский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Н. А. Менчинская, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, П. А. Шеварев, Д. Б. Эльконин и др.). Позднее дискуссии по проблемам деятельностного подхода велись не только в психологии, но также в смежных с ней науках — в философии (Г. С. Батищев, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, В. А. Лекторский, Ф. Т. Михайлов, А. П. Огурцов, В. М. Розин, В. А. Розов, И. Т. Фролов, В. С. Швырев, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин), социологии (М. Н. Бобнева, Б. А. Грушин, Ю. А. Левада, Н. Ф. Наумова), лингвистике (А. А. Леонтьев, В. И. Постовалова, Г. П. Щедровицкий), психофизиологии (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, В. Г. Зараковский), эргономике (Н. Г. Алексеев, В. П. Зинченко, В. М. Мунипов, И. Н. Семенов, Э. Г. Юдин), акмеологии (А. А. Деркач, Е. А. Климов, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, И. Н. Семенов и др.), педагогике (Н. Г. Алексеев, О. С. Анисимов, М. Н. Берулава, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, В. В. Краевский, Н. Д. Никандров, Л. И. Новикова, А. В. Петровский, Д. И. Фельдштейн, В. Д. Шадриков и др.).

Важно отметить, что дискуссии о психологии деятельности велись не только между школами С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, но и внутри их: например, в первой — между Е. В. Шороховой (зав. сектором психологии в Институте философии после его кончины) и А. В. Брушлинским, К. А. Славской, а во второй — между А. Н. Леонтьевым и П. Я. Гальпериным, А. В. Запорожцем, Д. Б. Элькониным. Затрагивались на этих внутренних диспутах и *межшкольные споры*, о чем можно судить, например, по выступлению А. Н. Леонтьева на домашнем семинаре, где обосновывалась критика концепции С. Л. Рубинштейна (1940, 1957, 1959) в контексте перспективы разработки ряда дискуссионных проблем психологии деятельности или обсуждались позиции П. Я. Гальперина и А. В. Запорожца. Но, разумеется, в процессе всех этих дискуссий происходило самое важное для дальнейшего развития психологической науки, а именно *ассимиляция достижений обоих подходов к проблематике деятельности*.

6. Развитие деятельностного подхода в концепции развивающего обучения В. В. Давыдова

Взаимодействие обеих школ, на наш взгляд, наиболее конструктивно реализовано в трудах В. В. Давыдова [8; 9], который с позиций Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина ассимилировал достижения С. Л. Рубинштейна при философско-методологической разработке психолого-педагогических проблем обобщения в обучении и развивающего обучения на основе деятельностного подхода. Так, в диспозиции своей итоговой теоретической книги В. В. Давыдов подчеркивает: *«Общепсихологическую теорию деятельности начиная с 1920-х гг. создавали многие ученые, но особенно большой вклад в нее внесли С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев»* [9. С. 17]. Анализируя восходящую к Д. Дьюи проблему формирования теоретического мышления, Давыдов вновь обращается к концепции деятельности С. Л. Рубинштейна, сочувственно цитируя его положения о том, что *«знания не возникают помимо познавательной деятельности субъекта и не существуют безотносительно к ней... Всякое научное понятие — это и конструкция мысли, и отражение бытия»* [Там же. С. 152]. С учетом этого В. В. Давыдов делает важный для своей теории вывод: *«С этой точки зрения понятие есть и отражение бытия, и средство мыслительной операции»* [Там же].

Откликаясь, вероятно, на известную дискуссию школ С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева по проблеме способностей начала 1960-х гг., В. В. Давыдов констатирует: *«Теория А. Н. Леонтьева создала хорошие предпосылки для изучения формирования человеческих способностей, но, к сожалению, эти предпосылки не были в должной мере реализованы. В психологии сравнительно мало работ, раскрывающих источники и закономерности формирования способностей. Правда, уже начали издаваться серьезные книги, посвященные этой важной проблеме; см.: Шадриков В. Д. “Деятельность и способности”, 1994»* [6. С. 453]. Следует отметить, что с тех пор В. Д. Шадриковым (1994—2008) опубликован ряд фундаментальных книг и учебных пособий по проблеме формирования способностей [31] в контексте ментального развития человека и внутреннего мира его личности и индивидуальности (см.: [15]).

Аналогично в отношении другой фундаментальной для психологии проблемы — развития личности — В. В. Давыдов, также цитируя основополагающий тезис С. Л. Рубинштейна о том, что *«введение личности в психологию представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений»* [20. Т. 2. С. 241], формулирует принципиальный для своей концепции развивающего обучения вывод: *«Тем самым понятие личности выступает как одно из центральных в психологической науке, поскольку оно — предпосылка объяснения любых психических явлений»* [9. С. 50]. В конце же своей итоговой книги В. В. Давыдов еще раз подчеркивает, что *«деятельностный подход или теория деятельности в философии и психологии создавались у нас в стране прежде всего С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым и Э. В. Ильенковым»* [Там же. С. 487]. В анализе значения трудов этого крупного философа для советской психологии, согласно В. В. Давыдову, *«главное заключается в том, что он дал диалектико-материалистическое обоснование основных положений культурно-исторической теории и теории развивающего обучения»* [Там же. С. 479]. При этом В. В. Давыдов специально отмечает, что *«Э. В. Ильенков был лично знаком с С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, А. И. Мещеряковым, Д. Б. Элькониным и другими крупными психологами, знал их труды, обсуждал с ними сложные философско-психологические вопросы»* [Там же. С. 478].

Заметим, что хотя Э. В. Ильенков действительно философски обосновывал подход Л. С. Выготского и продуктивно его развивал в своих психологических исследованиях (в особенности с В. В. Давыдовым и А. И. Мещеряковым), однако основы психологической теории деятельности создавались все же в довоенные годы С. Л. Рубинштейном (1889—1960) и А. Н. Леонтьевым (1903—1979), когда Э. В. Ильенков (1924—1979) лишь начинал учиться в Институте философии, литературы и искусства.

Здесь мы сталкиваемся с часто встречающимися в науке случаями модернизации взглядов тех или иных авторов, проводимой их интерпретаторами в контексте целесообразности историко-методологического обоснования собственных или близких по духу концепций. Например, зачастую деятельностный подход в трактовке А. Н. Леонтьева и его школы обосновывается через апелляцию к культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Так, В. В. Давыдов, анализируя воспоминания А. Н. Леонтьева, полагает: *«Уже в середине 20-х годов Л. С. Выготский как “очень образованный марксист” имел историко-социологическое понятие о практической, чувственной деятельности людей»* [Там же. С. 497]. Хотя сам В. В. Давыдов приводит осторожное замечание А. Н. Леонтьева [12] о том, что у Л. С. Выготского *«термина “деятельность” еще нет, он еще не выступал, не применялся, а понятие деятельности нашло свое дальнейшее развитие»* [9. С. 498], все же В. В. Давыдов подытоживает свое кропотливое обоснование противоречащим этому выводом: *«На наш взгляд, теория деятельности, разработанная А. Н. Леонтьевым и его последователями, является новым и закономерным этапом развития культурно-исторической теории. Это подтверждается как при сопоставлении их основных положений, так и при рассмотрении изучаемых ими предме-*

тов» [9. С. 496—503]. Примечательно, что в этом контексте теория деятельности трактуется как разработанная школой А. Н. Леонтьева, а о С. Л. Рубинштейне как зачинателе и теоретике психологической проблематики деятельности в заключении книги не говорится, хотя ранее эту его принципиальную роль В. В. Давыдов [9] неоднократно и справедливо подчеркивал.

Этот парадокс онтологической модернизации может быть снят, на наш взгляд, лишь методологически — через дифференциацию принципа деятельности (проводимую как С. Л. Рубинштейном, так и А. Н. Леонтьевым, а поэтому и многими советскими психологами), представленного в двух различных концептуальных моделях, которые принципиально иначе трактовали психологические механизмы генезиса и структуры социально обусловленной деятельности человека. По инициативе В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, В. М. Мунипова, Э. Г. Юдина наметились перспективные плодотворного сотрудничества философов, психологов и педагогов в системно-междисциплинарных разработках проблематики деятельности в отечественных гуманитарных науках, что привело к построению различных концептуальных схем деятельности (см.: [13; 24; 33; 34]).

7. Развитие субъектно-деятельностного подхода последователями С. Л. Рубинштейна и уровни его научного творчества

В концептуально-содержательном плане вклад С. Л. Рубинштейна и его теории деятельности в психологию эксплицирован, проанализирован и обобщен в фундаментальных работах его ранних коллег (Л. И. Анцыферова, Е. А. Будилова, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский) и особенно ближайших учеников и последователей — К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского и др. [3], а также охарактеризован представителями других научных школ (Б. Г. Ананьев, А. А. Смирнов, Е. Е. Соколова и мн. др.). Важно подчеркнуть, что С. Л. Рубинштейн не только во многом определил тенденции психологической науки, но и предвосхитил развитие таких ее инновационных областей, как гуманистическая психология индивидуальности [1; 2; 15], акмеология профессионального развития и творческого самосовершенствования личности [10; 15] и рефлексивная психология творчества [24; 25 и др.]. В частности, именно поэтому А. В. Брушлинский, прочитав мои тезисы на Одесской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, предложил написать специальную статью для «Психологического журнала» о разработке им философско-психологической проблематики рефлексии.

К этому необходимо добавить методологически-научоведческую квалификацию творческого наследия С. Л. Рубинштейна, в частности, с позиций проблематики прогресса психологического познания. С точки зрения системно-методологической полноты научно-исследовательской деятельности и функционально-эпистемических критериев прогресса психологического познания [25 и др.] в трудах С. Л. Рубинштейна разрабатывались в совокупности все основные структурно-уровневые компоненты научно-психологической деятельности, интегрированной в социальную практику.

Так, на аксиологическом уровне в трудах С. Л. Рубинштейна в начале [19], середине [16] и в конце [22] его научного пути им разрабатывались ценности соответственно творческой самодеятельности личности, социальной деятельности субъекта и жизнедеятельности человека в мире.

На историко-научном уровне он анализировал философские и естественно-научные корни экспериментальной и общей психологии, в особенности при изучении мышления, деятельности и личности. *На гносеологическом уровне* он вскрыл логику развития психологического познания и теоретически эксплицировал его основы и обобщил достижения. *На онтологическом уровне* он показал место психического во всеобщей взаимосвязи его различных проявлений в фундаментальном труде «Бытие и сознание». *На методо-*

логическом уровне он сформулировал принципы и очертил пути развития психологии как науки гуманитарно-естественно-научного типа, специфика которого определяется введенной им формулой детерминизма психического: «Внешние причины действуют через внутренние условия». *На теоретическом уровне* им разработаны модели психического как процесса и как деятельности субъекта, мышления как анализа через синтез и др. *На экспериментальном уровне* он с учениками исследовал процессы восприятия, действия, речи, мышления, рефлексии, сознания. *На прикладном уровне* им разрабатывались проблемы формирования способностей, знаний, этических правил как условий и содержания обучения и воспитания личности. *На практическом уровне* им осуществлялись предметное проектирование и организационное управление развитием психологической науки советской эпохи, а также его учебно-методическое обеспечение посредством интегральных руководств и творческого воспитания научных кадров — учеников и последователей, образующих одну из крупнейших научных школ отечественной психологии.

Формирование созданной С. Л. Рубинштейном научной школы началось еще в Ленинградском пединституте и продолжалось им в последующие периоды. В дальнейшем развитие этой школы дифференцируется на различные ветвящиеся направления: 1) историко-психологическое (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, Е. А. Будилова, В. А. Кольцова, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский и др.); 2) философско-методологическое (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский); 3) экспериментально-психологическое (К. А. Абульханова-Славская, Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, А. М. Матюшкин, В. Н. Пушкин и др.); 4) теоретико-деятельностное (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Б. Ф. Ломов, В. Д. Шадриков, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский); 5) теоретико-субъектное (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко); 6) личностно-субъектное (К. А. Абульханова, В. С. Агапов, М. И. Воловикова, Е. Б. Старовойтенко и др.); 7) субъектно-когнитивное (А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, В. А. Поликарпов и др.); 8) сознательно-рефлексивное (К. А. Абульханова, И. Н. Семенов, Е. Б. Старовойтенко, И. И. Чеснокова). В настоящее время последователи С. Л. Рубинштейна на основе его философско-психологической концепции и реализующих ее предметно-методологических принципов ведут плодотворные теоретические, экспериментальные, эмпирические и прикладные исследования в ИП РАН, ПИ РАО, НИУ ВШЭ, ЯрГУ и ряде других вузов, конструктивно развивая его творческое наследие.

8. Развитие деятельностного подхода А. Н. Леонтьева в педагогической психологии П. Я. Гальперина — Н. Ф. Талызиной и Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова

Деятельностный подход А. Н. Леонтьева получил свое развитие в таких близких концепциях педагогической психологии, как направления П. Я. Гальперина — Н. Ф. Талызиной и Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова. Так, разработанные П. Я. Гальпериным теоретические принципы организации ориентировки и реализующие их технологии планомерного формирования психических процессов и знаний оказали влияние на такие направления педагогической психологии и педагогики, как алгоритмизация обучения (В. П. Беспалько, Л. Н. Ланда), программированное обучение (Т. А. Ильина, Н. Д. Никандров, Н. Ф. Талызина), управление усвоением знаний (И. С. Ладенко, Н. Ф. Талызина, Т. И. Шамова, И. С. Якиманская), психолого-педагогические компетенции (А. А. Вербицкий, И. В. Дубровина, И. А. Зимняя, Н. Н. Костюков), интеллек-

туальное развитие учащихся (В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, В. В. Рубцов, А. И. Подольский, Д. Б. Эльконин), формирование системно-профессионального мышления (И. П. Колошина, Н. Н. Нечаев, З. А. Решетова), понятийно-теоретического мышления (В. В. Давыдов, А. Зак, В. В. Рубцов и др.), рефлексивно-критического мышления (Н. Г. Алексеев, В. В. Давыдов, В. В. Рубцов), рефлексивно-творческого мышления (В. К. Зарецкий, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов), а также на становление такой системно-интегративной концепции, как деятельностная *теория развивающего обучения* (Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов).

Последняя творчески синтезирует и продолжает подходы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, а также осуществляет их взаимодействие применительно к изучению развития психики. Теория формирования умственных действий П. Я. Гальперина, концепция управления усвоением знаний Н. Ф. Талызиной и теория развивающего обучения В. В. Давыдова имеют общие историко-научные и творческие корни. Так, тесно сотрудничавшие П. Я. Гальперин и Д. Б. Эльконин были непосредственными учениками Л. С. Выготского и соратниками А. Н. Леонтьева. Под руководством П. Я. Гальперина В. В. Давыдов защитил в 1958 г. кандидатскую диссертацию «Образование начального понятия о количестве у детей».

Объектом усвоения в теории *развивающего обучения* являются интеллектуальные способности, т. е. процессы и способы теоретического, рефлексивного и профессионального мышления. Теория развивающего обучения исходит из того, что в основе умственного развития лежит определенное содержание образовательной деятельности. Основы развивающего обучения были заложены Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым, которые исходили из того, что высшие психические функции (восприятие, память, внимание, мышление) появляются у индивида через освоение им человеческой культуры в ходе совместной коллективной деятельности. Согласно Д. Б. Эльконину и В. В. Давыдову, задача обучения состоит в формировании у обучающихся теоретического мышления, которое выстраивается в специальной организованной познавательной деятельности.

В. В. Давыдов [9], исходя из диалектической методологии анализа «развивающегося понятия» (А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров), разработал на базе философии идеального Э. В. Ильенкова и психологии ориентировочной деятельности П. Я. Гальперина — Д. Б. Эльконина *концепцию развивающего обучения*, верифицированную посредством экспериментально-педагогического формирования различных видов теоретического обобщения и интеллектуальной рефлексии как компонентов научного мышления школьников. Их усвоение осуществляется посредством коллективно-распределенной учебной деятельности, психологические механизмы которой специально изучаются В. В. Рубцовым в рамках его социально-генетической теории. Согласно В. В. Давыдову, в ходе предметной деятельности осваивается целостная совокупность определенных общественно выработанных познавательных средств и методов, адекватных задачам теоретической деятельности, а именно: *анализ, абстрагирование, рефлексия, обобщение, идеализация, моделирование, планирование* и т. д. В содержание подобной теоретической деятельности входит деятельность с обобщенным идеальным объектом, выступающим как «*конкретное всеобщее*», которое в виде своих проявлений охватывает все многообразие эмпирического материала.

В концепции ориентировки как предмета психологии П. Я. Гальперин выделил три типа ориентировки в зависимости от нормативного задания этого многообразного материала для усвоения в обучении.

Так, исследования, проводимые учениками П. Я. Гальперина — Н. Ф. Талызиной, З. А. Решетовой и их последователями — на самом различном материале усвоения (русский и иностранный языки, математика, физика, техника и т. д.), показали развивающий эффект обучения по III типу ориентировки. Аналогично эффективность формирования различных интеллектуальных процессов (теоретическое мышление, моделирование, интеллектуальная рефлексия, обобщение и т. д.) была показана в научной школе развивающего обучения (Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, В. В. Рубцов и др.).

Соотнося теорию развивающего обучения и концепцию ориентировки, В. В. Давыдов отмечал: «*Исследования П. Я. Гальперина и его сотрудников обнаружили внутреннюю связь определенного типа ориентировки со способами построения учебных предметов... Формирование действий, выделяющих основные единицы материала,*

позволяет учащимся сразу раскрывать эти общие правила» [9. С. 263—264]. Характеризуя выделенный П. Я. Гальпериным III тип ориентировки, В. В. Давыдов подчеркивал: «...он, на наш взгляд, по своим основным чертам близок к тому, что мы называем учебной деятельностью (I и II типы вполне подходят под объяснительные возможности ассоциативно-рефлекторной теории)» [Там же. С. 263].

Изучая условия управления усвоением знаний, реализующим эту концепцию ориентировки методом поэтапного формирования умственных действий и понятий, Н. Ф. Талызина существенно расширила типологию видов ориентировки и технологий усвоения.

Характеризуя с позиций теории развивающего обучения вклад Н. Ф. Талызиной в педагогическую психологию и педагогику, автор этой теории вице-президент РАО академик В. В. Давыдов отмечает: «*Н. Ф. Талызина, опираясь на труды А. Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина, разработала свой вариант деятельностной теории учения... подробно описала основные условия управления процессом усвоения действий и понятий, а также пути формирования у школьников различных приемов познавательной деятельности. Она правомерно увязала между собой усвоение знаний и их применение (известно, что в традиционной дидактике эти процессы соотносятся с разными этапами)*» [Там же. С. 265].

Вышеотмеченные разработки деятельностного подхода способствовали развитию основ педагогической психологии в плане изучения формирования личности в онтогенезе (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, И. А. Зимняя, Н. И. Непомнящая, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин и др.), а также ее развитию в коллективно-распределенной деятельности и в социоэкономических условиях современного социума (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. А. Деркач, И. В. Дубровина, А. И. Подольский, В. В. Рубцов, Э. В. Сайко, Д. И. Фельдштейн, В. Д. Шадриков, А. В. Юревич и др.).

* * *

В целом достижения в научных школах П. Я. Гальперина — Н. Ф. Талызиной и В. В. Давыдова — Д. Б. Эльконина, развивающих культурно-историческую теорию Л. С. Выготского и теорию деятельности А. Н. Леонтьева, причем с учетом ее трактовки С. Л. Рубинштейном (например, В. В. Давыдовым при изучении «видов обобщения в обучении»), позволили организовать систему психолого-педагогических исследований на различных предметных областях и на основных ступенях непрерывного образования: дошкольного (П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, С. Н. Карпова, Л. Ф. Обухова, Н. Н. Подьяков, Д. Б. Эльконин), школьного (В. В. Давыдов, А. З. Зак, А. Н. Ждан, В. В. Рубцов, Н. Г. Салмина, В. П. Сохина, Н. Ф. Талызина, Д. Б. Эльконин), среднепрофессионального (А. Ф. Ануфриев, Н. Н. Костюков, З. А. Решетова), вузовского (И. И. Ильясов, Н. Н. Костюков, Н. Н. Нечаев, В. В. Рубцов, Н. Ф. Талызина), профессионально-последипломного (В. В. Давыдов, И. П. Калошина, А. И. Подольский, В. В. Рубцов, Н. Ф. Талызина и др.). Важно отметить, что разработанные в этих научных школах психолого-педагогические принципы и реализующие их методы не только прошли апробацию в экспериментальном обучении (в школах и вузах), но и позволили вооружить инновационными технологиями усвоения знаний учащихся в организованном Н. Ф. Талызиной Учебном центре факультета психологии МГУ, в созданном С. К. Бондыревой с Д. И. Фельдштейном Московском психолого-социальном университете и В. В. Рубцовым — Московском городском психолого-педагогическом университете. В нем продолжались (В. К. Зарец-

кий, А. Б. Холмогорова и др.) начатые нами на факультете психологии МГУ (В. К. Зарецкий, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, А. Б. Холмогорова (см., в частности, [24; 26 и др.]) и продолженные под влиянием Московского методологического кружка [13; 32; 34] теоретико-экспериментальные исследования рефлексии (на материале мыслительной деятельности при решении творческих задач) в контексте прикладной психологии.

Например, исходным теоретическим основанием для концептуального построения такой инновационной области человекознания, как рефлексивная психология творчества [24], послужил деятельностный подход в его основных научных трактовках: методологической [32; 34] и психологической (П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн). При этом ассимиляция деятельностного подхода осуществлялась нами с учетом методологических дискуссий о нем, которые интенсивно велись в отечественной философии (А. С. Арсеньев, Г. С. Батищев, В. С. Библер, Э. В. Ильенков, В. А. Лефевр, М. К. Мамардашвили, Ф. Т. Михайлов, М. А. Розов) и привели к формированию интегративной системно-деятельностной парадигмы в обществознании (В. А. Лекторский, В. Е. Лепский, А. П. Огурцов, В. Н. Садовский, В. С. Швырев, Г. П. Щедровицкий и др.) и человекознании (Н. Г. Алексеев, Н. И. Непомнящая, В. М. Розин, И. Н. Семенов, В. Д. Шадриков, Э. Г. Юдин и др.).

Разработка нами концептуально-методологических средств психологической реализации этой парадигмы позволила построить теоретическую модель, описывающую как рефлексивно-личностную регуляцию *мыслительной деятельности* при дискурсивном решении творческих задач (И. Н. Семенов), так и рефлексивный механизм саморазвития личности в процессе продуктивной деятельности творческой индивидуальности [25]. При этом мы исходили из системно-культуральной онтологемы, что деятельность есть преобразование объекта субъектом, опосредованное не только *орудийно-знаковыми средствами* (культурно-историческими по своему происхождению — согласно традиции Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева), но и *субъектно-процессуальной динамикой* (в традиции С. Л. Рубинштейна) *рефлексивно-личностной регуляции* этого преобразования. Ибо она обеспечивает значимое переосмысление и продуктивную перестройку содержаний сознания человека для его адекватной ориентировки (в традиции П. Я. Гальперина) в биотической среде и социальном окружении как предпосылке адаптации поведения в них и конструктивного целеполагания и саморазвития как индивидуальности во взаимодействии (в традиции Я. А. Пономарева), во взаимоотношении (в традиции В. Н. Мясищева) и в диалоге (в традиции М. М. Бахтина) с другими людьми — как современниками, так и предшественниками и потомками, которые суть звенья диалога культур (в традиции В. С. Библера). Важно подчеркнуть, что системообразующим фактором интеграции всех этих психических процессов, обеспечивающих в комплексе осуществление человеком социальной — по своей культурно-исторической природе — деятельности и индивидуально-диалогического поведения, является рефлексия как переосмысление и перестройка человеком (в качестве субъекта жизнедеятельности) переживаний своей души и содержаний своего сознания [24 и др.].

Обобщение проведенных на этой онтологической основе различных циклов теоретико-экспериментальных (И. Н. Семенов в 2000 г.) и практико-прикладных исследований (И. М. Войтик, И. Н. Семенов в 2001 г.; О. Д. Ковшуро, И. Н. Семенов в 2005 г. и др.) способствовало трансформации рефлексивно-гуманитарной психологии творчества в *рефлексивно-деятельностную акмео-*

логию развития профессионализма (А. А. Деркач, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов) и педагогику непрерывного образования (Т. Г. Болдина, И. Н. Семенов), проектируемого в предметно-деятельностных (Н. Н. Костюков, И. Н. Семенов) и рефлексивно-развивающих средах психолого-педагогическими средствами разработанных нами [27] инновационных рефлетехнологий. Значимые результаты дала рефлексивно-акмеологическая (К. А. Абульханова, О. С. Анисимов, А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Н. В. Коваль, Ю. Н. Кулюткин, И. Н. Семенов, Е. Б. Старовойтенко, С. Ю. Степанов, Л. В. Шибаева, Е. А. Яблокова и др.) и психолого-педагогическая (Н. Г. Алексеев, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьев, А. М. Матюшкин, А. В. Петровский, Н. Н. Подьяков, В. В. Рубцов, Н. Ф. Талызина, Д. И. Фельдштейн, В. Д. Шадриков, Д. Б. Эльконин и др.) реализация *деятельностного подхода*, что свидетельствует о его *реально значимой конструктивности в современном человекознании*.

In this paper, the history of science, theoretical and methodological positions analyzed the formation and development of the activity approach in Russian psychology in conjunction with the philosophy and pedagogy. Against the background of the analysis of the history of domestic anthropology characterized by the concept of a number of philosophers, develops system-activity approach, and psychologists, general psychological construct different ideas about activities and develop them in psychological and educational research. A structural-level model of the development of scientific and creative activity (illustrated by the analysis of the works of S. L. Rubinstein). Briefly describe the interaction of scientific schools P. J. Galperin, V. V. Davydov, A. N. Leontiev, S. L. Rubinstein in the development of psychology activities. Shows the constructive role of the discussions of philosophers and psychologists in the development of the activity and systemic approaches (for example, concepts S. L. Rubinstein, A. N. Leontiev, V. V. Davydov), as well as their constructive significance for the development of psychology and pedagogy of thinking and reflection.

Keywords: psychology, philosophy, methodology, activities, systematic approach, organization, thinking, consciousness, reflection and development.

Литература

1. *Абульханова, К. А.* Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова. — М. : Наука, 1980.
2. *Абульханова, К. А.* Dejatel'nost' i psihologija lichnosti / К. А. Abul'hanova. — М. : Nauka, 1980.
3. *Абульханова, К. А.* Рубинштейн Сергей Леонидович / К. А. Абульханова // Энциклопедия Московского университета. Факультет психологии : биографический словарь. — М., 2006. — С. 176—178.
4. *Абульханова, К. А.* Rubinshtejn Sergej Leonidovich / К. А. Abul'hanova // Jenciklopedija Moskovskogo universiteta. Fakul'tet psihologii : biograficheskij slovar'. — М., 2006. — S. 176—178.
5. *Абульханова-Славская, К. А.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна (к 100-летию со дня рождения) / К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. — М., 1989.
6. *Абульханова-Славская, К. А.* Filosofsko-psihologicheskaja koncepcija S. L. Rubinshtejna (k 100-letiju so dnja rozhdenija) / К. А. Abul'hanova-Slavskaja, A. V. Brushlinskij. — М., 1989.
7. *Басов, М. Я.* Основы общей педологии / М. Я. Басов. — М. ; Л., 1931.
8. *Басов, М. Я.* Osnovy obshhej pedologii / М. Я. Basov. — М. ; L., 1931.
9. *Богданов, А. А.* Психология : Всеобщая организационная наука : в 2 кн. / А. А. Богданов. — М. : Экономика, 1989.
10. *Богданов, А. А.* Tektologija : Vseobshhaja organizacionnaja nauka : v 2 kn. / А. А. Bogdanov. — М. : Jekonomika, 1989.
11. *Богданов, А. А.* Вопросы социализма : работы разных лет / А. А. Богданов ; отв. ред. Л. И. Абалкин. — М. : Политиздат, 1990 — 479 с.
12. *Богданов, А. А.* Voprosy socializma : raboty raznyh let / А. А. Bogdanov ; отв. red. L. I. Abalkin. — М. : Politizdat, 1990 — 479 s.
13. *Гальперин, П. Я.* Психология как объективная наука / П. Я. Гальперин. — М. ; Воронеж, 1998.
14. *Гальперин, П. Я.* Psihologija kak ob'ektivnaja nauka / P. Ja. Gal'perin. — М. ; Voronezh, 1998.
15. *Давыдов, В. В.* Виды обобщения в обучении / В. В. Давыдов. — М. : Педагогика, 1972.
16. *Давыдов, В. В.* Vidy obobshhenija v obuchenii / V. V. Davydov. — М. : Pedagogika, 1972.
17. *Давыдов, В. В.* Teorija razvivajushhego obuchenija / В. В. Davydov. — М. : Педагогика, 1996.
18. *Давыдов, В. В.* Teorija razvivajushhego obuchenija / V. V. Davydov. — М. : Pedagogika, 1996.

10. Деркач, А. А. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях / А. А. Деркач. — М. : Изд-во РАГС, 1998.
- Derkach, A. A. Professionalizm dejatel'nosti v osobyh i jekstremal'nyh uslovijah / A. A. Derkach. — M. : Izd-vo RAGS, 1998.*
11. Ильенков, Э. В. Идеальное / Э. В. Ильенков // Филос. энцикл. : в 5 т. — М., 1968. — Т. 2.
- Ilenkov, Je. V. Ideal'noe / Je. V. Il'enkov // Filos. jencikl. : v 5 t. — M., 1968. — T. 2.*
12. Леонтьев, А. Н. Философия психологии : Из научного наследия / А. Н. Леонтьев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Leont'ev, A. N. Filosofija psihologii : Iz nauchnogo nasledija / A. N. Leont'ev. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1994.*
13. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решения / Н. Г. Алексеев [и др.]. — Новосибирск : НГУ, 1991.
- Metodologija refleksii konceptual'nyh shem dejatel'nosti poiska i prinjatija reshenija / N. G. Alekseev [i dr.]. — Novosibirsk : NGU, 1991.*
14. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности / Г. С. Никифоров [и др.]. — СПб. : СПбГУ, 1991.
- Psihologicheskoe obespechenie professional'noj dejatel'nosti / G. S. Nikiforov [i dr.]. — SPb. : SPbGU, 1991.*
15. Психология индивидуальности: новые модели и подходы / К. А. Абульханова [и др.] ; под ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. — М. : МПСИ, 2009.
- Psihologija individual'nosti: novye modeli i podhody / K. A. Abul'hanova [i dr.] ; pod red. E. B. Starovojtenko, V. D. Shadrjkova. — M. : MPSI, 2009.*
16. Рубинштейн, С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса / С. Л. Рубинштейн // Сов. психотехника. — 1934. — № 1 ; Вопр. психологии. — 1983. — № 2.
- Rubinshtejn, S. L. Problemy psihologii v trudah Karla Marksa / S. L. Rubinshtejn // Sov. psihotehnika. — 1934. — № 1 ; Voпр. psihologii. — 1983. — № 2.*
17. Рубинштейн, С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн. — М. : Наука, 1958.
- Rubinshtejn, S. L. O myshlenii i putjah ego issledovanija / S. L. Rubinshtejn. — M. : Nauka, 1958.*
18. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии / под ред. Е. В. Шороховой. — М., 1976.
- Rubinshtejn, S. L. Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn // Problemy obshhej psihologii / pod red. E. V. Shorohovoj. — M., 1976.*
19. Рубинштейн, С. Л. Принцип творческой самодеятельности / С. Л. Рубинштейн // Учен. зап. высш. школы г. Одессы. Т. 2. 1922 // Вопр. психологии. — 1986. — № 4.
- Rubinshtejn, S. L. Princip tvorcheskoj samodejatel'nosti / S. L. Rubinshtejn // Uchen. zap. vyssh. shkoly g. Odessy. T. 2. 1922 // Voпр. psihologii. — 1986. — № 4.*
20. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн ; под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского. — М. : Педагогика, 1989.
- Rubinshtejn, S. L. Osnovy obshhej psihologii : v 2 t. / S. L. Rubinshtejn ; pod red. K. A. Abul'hanovoj-Slavskoj, A. V. Brushlinskogo. — M. : Pedagogika, 1989.*
21. Рубинштейн, С. Л. О философской системе Г. Когена / С. Л. Рубинштейн // Историко-философский ежегодник-92. — М., 1994.
- Rubinshtejn, S. L. O filosofskoj sisteme G. Kogena / S. L. Rubinshtejn // Istoriko-filosofskij ezhegodnik-92. — M., 1994.*
22. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2012.
- Rubinshtejn, S. L. Bytie i soznanie / S. L. Rubinshtejn. — SPb. : Piter, 2012.*
23. Семенов, И. Н. Выготский Лев Семенович [Электронный ресурс] / И. Н. Семенов // БСЭ. — 3-е изд. — М., 1969—1978. — Режим доступа: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/159318/](http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/159318/Semenov, I. N. Vygotskij Lev Semenovich [Elektronnyj resurs] / I. N. Semenov // BSJe. — 3-e izd. — M., 1969—1978. — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/159318/)
- Semenov, I. N. Vygotskij Lev Semenovich [Elektronnyj resurs] / I. N. Semenov // BSJe. — 3-e izd. — M., 1969—1978. — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/159318/*
24. Семенов, И. Н. Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач / И. Н. Семенов // Методологические проблемы исследования деятельности / под ред. В. П. Зинченко. — М., 1976. — С. 148—188.
- Semenov, I. N. Opyt dejatel'nostnogo podhoda k jeksperimental'no-psihologicheskomu issledovaniju myshlenija na materiale reshenija tvorcheskih zadach / I. N. Semenov // Metodologicheskie problemy issledovanija dejatel'nosti / pod red. V. P. Zinchenko. — M., 1976. — S. 148—188.*
25. Семенов, И. Н. Системно-методологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии / И. Н. Семенов // Прогресс в психологии: критерии и признаки. — М., 2009. — С. 210—236.
- Semenov, I. N. Sistemno-metodologicheskaja i istoriko-nauchnaja refleksija kak sredstva progressa psihologii / I. N. Semenov // Progress v psihologii: kriterii i priznaki. — M., 2009. — S. 210—236.*
26. Семенов, И. Н. Кафедра общей психологии МГУ как колыбель университетского профессионального образования / И. Н. Семенов // Психология : Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2012. — № 5—6.

Semenov, I. N. Kafedra obshej psihologii MGU kak kolybel' universitetskogo professional'nogo obrazovanija psihologov / I. N. Semenov // Psihologija : Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovanija. — 2012. — № 5—6.

27. *Семенов, И. Н. Рефлексивная психология инновационного образования / И. Н. Семенов. — М., 2013. — 178 с.*

Semenov, I. N. Refleksivnaja psihologija innovacionnogo obrazovanija / I. N. Semenov. — М., 2013. — 178 s.

28. Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1987.

Sovetskij jenciklopedičeskij slovar'. — М.: Sov. jencikl., 1987.

29. *Степанов, С. С. Психология в лицах / С. С. Степанов. — М., 2003.*

Stepanov, S. S. Psihologija v licah / S. S. Stepanov. — М., 2003.

30. Философская энциклопедия : в 5 т. — М.: Сов. энцикл., 1968. — Т. 4.

Filosofskaja jenciklopedija : v 5 t. — М.: Sov. jencikl., 1968. — Т. 4.

31. *Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности / В. Д. Шадриков. — М., 1996.*

Šadrikov, V. D. Psihologija dejatel'nosti i sposobnosti / V. D. Šadrikov. — М., 1996.

32. *Щедровицкий, Г. П. О возможных путях исследования мышления как деятельности / Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев // Докл. АПН РСФСР. — 1957. — № 3; 1958. — № 1 и 4; 1959. — № 1, 2, 4; 1960. — № 2, 4, 5, 6; 1961. — № 4 и 5; 1962. — № 2 и 6.*

Šhedrovickij, G. P. O vozmožnyh putjah issledovanija myšlenija kak dejatel'nosti / G. P. Šhedrovickij, N. G. Alekseev // Dokl. APN RSFSR. — 1957. — № 3; 1958. — № 1 i 4; 1959. — № 1, 2, 4; 1960. — № 2, 4, 5, 6; 1961. — № 4 i 5; 1962. — № 2 i 6.

33. *Щедровицкий, Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г. П. Щедровицкий // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). — М., 1975.*

Šhedrovickij, G. P. Ishodnye predstavlenija i kategorial'nye sredstva teorii dejatel'nosti / G. P. Šhedrovickij // Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannyh sistem v proektirovanii (teorija i metodologija). — М., 1975.

34. *Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин. — М.: Наука, 1978.*

Judin, Je. G. Sistemnyj podhod i princip dejatel'nosti / Je. G. Judin. — М.: Nauka, 1978.

В. М. Розин

Становление, критика и проблема возрождения деятельностного подхода

В статье обсуждается, почему снижается интерес к теории деятельности и идет ее критика. Анализируются две причины: отождествление реальности с тем, что описывает теория деятельности, а также существенное изменение социальных процессов и личности. Показано, что Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев построили разные понятия деятельности, которые нельзя рассматривать в одном ряду развития. Обсуждаются особенности методологии и теории деятельности А. Н. Леонтьева. В последней части статьи анализируется изменение социальных процессов и ставится вопрос о возможности нового этапа развития науки о деятельности.

Ключевые слова: деятельность, теория, подход, общение, культура, человек, жизнедеятельность.

Теория деятельности и деятельностный подход в психологии переживают не лучшие времена. Интерес к ним падает, и все больше психологов переключаются на другие направления психологии. Более того, разворачивается критика деятельностного подхода, одновременно консолидирующая его защитников. В только что вышедшей монографии «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд» Владислав Лекторский пишет: «Мне неоднократно приходилось говорить и писать о деятельностном подходе, который был весьма популярен в отечественной философии и психологии в 60—80-е гг., а потом был отчасти забыт, отчасти раскритикован, в том числе и некоторыми его бывшими адептами» [12. С. 247]. Лекторский полагает, что в настоящее время развитие современной философии, психологии и когнитивной науки заставляет обратиться к вновь ставшей актуальной разработке проблематики деятельности и деятельностного подхода [Там же. С. 265].